

Россия, Европа и мы

Стоять на высотѣ не всегда удобно и безопасно. Головокруженіе не рѣдко отравляет радость развертывающихся далей. А если человекъ поднялся не для безкорыстнаго созерцанія, а для работы, то ему — кровельщику на соборномъ шпилѣ — угрожаетъ вполне реальная опасность свалиться в пропасть.

Русская эмиграція судьбой и страданіемъ своимъ поставлена на головокружительную высоту. С той горы, къ которой прибило нашъ ковчегъ, намъ открылись грандіозныя перспективы: во истину «всѣ царства міра и слава ихъ» — вѣрнѣе, ихъ позор. В міровой борьбѣ капитализма и коммунизма мы одни можемъ видѣть оба склона — в Европу и в Россію: дѣйствительность, какъ она есть, безъ румянъ и прикрас. Мы на себѣ, на своей кожѣ испытали прелесть обѣихъ хозяйственныхъ системъ. Кажется, будто мы и призваны быть безпристрастными свидѣтелями на судѣ исторіи.

Но это лишь кажется, это совсѣмъ не такъ. Мы не свидѣтели, а жертвы исторіи. Можетъ ли сынъ, потерявшій мать, быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ в судѣ надъ ея убійцей? Есть священный эгоизмъ горя, который ослѣпляетъ. Мы ходимъ в кровавомъ туманѣ, гдѣ теряются для насъ очертанія реальностей. И когда, не довольствуясь плачемъ Іереміи, мы пытаемся что-то дѣлать, какъ-то исполнить сыновній долгъ, наши руки производятъ неловкіе жесты, наши ноги скользятъ, и в ослѣпленіи благородныхъ страстей мы наносимъ новыя раны Россіи.

Помимо кроваваго тумана в собственныхъ глазахъ, насъ ослѣпляетъ двойной свѣтъ, излучающійся изъ Европы и Россіи. В невѣрномъ, сумеречномъ этомъ свѣтѣ возникаютъ двойныя тѣни двойныхъ истин. Двойныя истины даютъ двойную ложь. Но, чтобы жить и дѣйствовать, надо бороться съ призраками. Надо воспитывать трезвую ясность сознанія. Для этого есть только одно средство — кромѣ этического очищенія страстей: надо при-

учиться видѣть Россію в русском свѣтѣ, а Европу в европейском, не путая безнадежно нашего двойного опыта.

Русское несчастье в том, что Россія и Европа живут в разные историческіе дни. Я не хочу сейчас говорить о том, что раздѣляет Россію от Европы сущностно — изначально и навсегда. Нѣтъ, на том самом отрѣзкѣ пути, на котором мы идем вмѣстѣ — послѣпетровском пути Россіи — мы с Европой разошлись так далеко, что и голоса человѣческаго не слышать на-за рубежа. Эта пропасть вырыта самым фактом коммунистической революціи.

Россія поднята на коммунистическую дыбу. Во имя коммунизма в Россіи истребляются миллионы, отмѣняется христіанство и культура, воцаряется всеобщая нищета вокруг индустриальных гигантов-монастырей. Европа тоже тяжело больна, но совсѣм не коммунизмом. Имя ея болѣзни — капитализм, в планѣ экономическом, — націонализм, в планѣ политическом. Из соединенія этих двух нынѣ разрушительных сил рождается хаос, накапливается ненависть, готовятся потрясенія грядущих войн и революцій. Это такая простая, дѣтская истина, что не видѣть ея может только наше «священное» безуміе. Но отсюда происходят всѣ наши трагическія недоразумѣнія.

Русская эмиграція, пережившая величайшую революцію, выносившая в себѣ кровный (и до извѣстной степени оправданный) анти-революціонный опыт, очутилась на Западѣ, который живет накануне революціи — во всяком случаѣ, в предреволюціонных настроеніях. Может-быть, революціи здѣсь и не будет, может-быть, ея удастся предотвратить — смѣлым и быстрым строительством новой жизни. Но остается безспорной — устремленность Запада к новым формам жизни, муки родов его. У одних это наивный революціонизм разрушенія, у других жажда социальнаго строительства, у третьих, наконец, «тревога» (*inquiétude*), явное ощущение недомоганія, болѣзни, даже смерти. Внѣ этих настроеній, в благополучном консервативном оптимизмѣ на Западѣ пребывает лишь очень малое число очень ограниченных людей — преимущественно на территоріи Франціи. У них то и ищет себѣ моральной поддержки несчастная русская эмиграція.

Все остальное в Европѣ подозрительно по большевизанству. И, вѣдь, это правда. Хуже всего, что это правда. С извѣстным преувеличеніем можно сказать, что всѣ порядочные люди в Европѣ сочувствуют большевикам. Но крайней мѣрѣ, всѣ люди со встревоженной совѣстью, устремленные к будущему. Я знаю, конечно, что и непорядочные большевизанствуют — по расчету или снобизму, — но не о них сейчас рѣчь. Нас мучит и волнует сочувствіе большевикам со стороны Р. Роблана, Дюамеля, лѣвых христіанских священников разных исповѣданій — моральной элиты Европы. Как объяснить его?

И здѣсь объясненіе так просто, что не видѣть его можно только в слѣпотѣ ненависти. Объясненіе в том, что человек, имѣющій общественный идеал, стремится видѣть его уже воплощенным в дѣйствительности — настоящей или прошлой. Конкретность воплощенія, пусть обманчивая, дает силы жить и бороться с дѣйствительностью отрицаемой. Отсюда старые восторги русских консерваторов перед Германіей, либералов перед Англійей, социалистов перед невѣдомой им Новой Зеландіей или Франціей эпохи революціи. В основѣ своей это все тѣ же поиски Опоньскаго царства с истинной Церковью на краю земли. Даль времен или даль пространства поддерживают дорогія иллюзіи. Как мемуары и историческія изслѣдованія не могли убить в русской интеллигенціи романтическаго увлеченія якобинской республикой, так и противорѣчивыя письма путешественников по Россіи и разноголосый хор русских эмигрантов безсилен переубѣдить желающих заблуждаться. Хочется вѣрит, что гдѣ-то в мірѣ, хоть в одной странѣ, осуществляется правда. Культурная далекость Россіи, неспособность понять ея дѣйствительно безумную сложность облегчает для европейскаго путешественника сохраненіе иллюзіи. Подумайте, как трудно для нас понять, что происходит в Китаѣ! Можно с горечью думать об узости человѣческаго сознанія, но нельзя подозрѣвать чистоту моральнаго отношенія. Менѣе всего имѣет на это право русская эмиграція, которая всѣ свои оцѣнки подчиняет одной идеѣ. Для большинства из нас прекрасна та страна, тот режим (Италія, Болгарія), гдѣ гонят коммунизм. Развѣ трудно понять, почем европейцу, ничего не знающему о коммунизмѣ,

но от капитализма тяжело страдающему, кажется благословенной та страна, где, по исключению, капитализм гонят, где слово «буржуа» объявлено презренным?

Идейное большевизанство западного европейца коренится совсем в другой моральной почве, чем большевизанство русское. Как моральный симптом — обращенности к будущему — оно может быть расценено положительно, какой бы горечью оно нас ни исполняло. Правда, помимо моральных симптомов, есть еще волевая действительность, есть политическая и социальная целесообразность, с точки зрения которых добродетельная глупость часто оборачивается преступлением. Мир России не замкнут наглухо от Запада. Россия не Опоньское царство. Завтра — не сегодня — коммунизм может стать реальной опасностью для Европы, в случае войны или срыва социальной работы, и тогда коммунистические иллюзии европейских идеалистов могут ускорить всеобщее разрушение. Вот во имя этого будущего Европы, как и во имя настоящего России, мы обязаны кричать об истине, которой сейчас не хотят слушать. Нужно понять только, что для того, чтобы быть услышанным Европой, эмиграция должна стоять на одной с ней почве: т. е. глядеть в европейское будущее, а не в русское прошлое. Minimum, которого Европа вправе требовать от нас — точная и добросовестная информация. И здесь наш грех велик — перед Россией. Годами русская эмиграция наводняла Европу фантастической информацией о большевицкой России. Всего какихнибудь 5 лет, как мы сами стали понимать — и далеко не всё, и далеко не все, — что происходит в России. Удивляться ли, что Европа, которую столько раз пугали «волком», уже не врет Павлушкѣ, когда он говорит правду? Но и правды фактов теперь уже недостаточно. Необходим верный моральный тон, чтобы победить недоверие к уже скомпрометированному источнику. Правду о коммунизме не станут слушать от защитников капитализма.

Но оставим Европу. Как ни существенна наша обязанность здесь — быть свидетелями о России — еще важнее другая: слушать Россию и быть готовыми к нашему историческому часу. Худо мѣрять Европу на русской аршин, еще хуже мѣрять

Росію на аршин Европы. Думается, что из смѣшенія этих мѣрок оцѣнки возникаютъ всѣ наши внутреннія недоразумѣнія. Отсюда противоестественное, на первый взгляд, единеніе под однимъ знаменемъ людей совершенно различной этической и даже политической направленности. Отсюда непонятный восторгъ передъ Западомъ и еще болѣе непонятный для эмигранта восторгъ передъ коммунистическими достиженіями — в людяхъ вполне приличныхъ и иногда даже способныхъ к здравому разсужденію.

За всѣми различіями нашихъ политическихъ убѣжденій, стоитъ основное различіе — русскихъ и европейцевъ. Подходя къ каждому эмигранту, важнѣе всего знать, в какой средѣ онъ живетъ, на какія впечатлѣнія реагируетъ. Среди интеллигенціи есть люди преимущественно русской и преимущественно западной культуры. Среди трудового эмигрантскаго народа есть большинство, живущее жизнью европейскихъ рабочихъ, и меньшинство, в приложеніи своего труда не выходящее изъ круга эмиграціи. У этихъ людей отношеніе къ жизни совсѣмъ иное, хотя бы они читали одну и ту же газету и повторяли механически одни и тѣ же избитыя и стертые слова.

Уже противорѣчіе между окружающей жизнью и личной культурой создаетъ внутреннее напряженіе, подкапывающее духовное равновѣсіе. Но основное социальное отличіе людей — в ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Есть люди пріемлющіе и не пріемлющіе данность, примиренцы и протестанты. И в зависимости отъ того, какова эта представляемая, навязчивая дѣйствительность, отношеніе къ которой опредѣляетъ сознаніе, — Росія ли это или Европа, — мы получаемъ схематически слѣдующія сочетанія эмигрантской волевой направленности:

1. Русскіе протестанты,
2. русскіе примиренцы,
3. европейскіе протестанты,
4. европейскіе примиренцы,
5. протестанты русскіе и европейскіе.

Такъ какъ психологически немислимо принимать коммунизмъ и капитализмъ одновременно — развѣ только в капиталистиче-

ских кругах Европы, успѣшно торгующих с Россіей, — то логически возможная шестая группа отпадает.

Протест національной и демократической Россіи против большевизма — это первичный и основной этос, который питал всѣ отпочковавшіяся эмигрантскія направленія. Этот протест остается и понынѣ священным и непререкаемым. Россія стала бы трупом, если бы вся пала на колѣни перед терзающей ее злой силой. Наше несогласіе на преступленіе, дѣлающееся полтора десятилѣтія, само по себѣ искупает наше добровольное изгнаніе. Политическая роль эмиграціи может равняться нулю. Остается моральное значеніе — не подвига, но просто жизненной установки, — которая оправдывает — не нас одних, но Россію. Лишь бы только ненависть к врагам Россіи не выражалась в ненависть к ней самой, покорившейся, не пригнетала темным злорадством, не отравляла ядами рабьего безсилія, провокаторской извращенности, свойственной побѣжденным. Просвѣтленная непримиримость — вот в чем мы больше всего нуждаемся. Так трудно это, так рѣдко и немногим дается. Непримиримость большинства всегда была темной. Может-быть, поэтому она уже выдыхается.

Непримиримостью жила и все еще живет огромная масса вчера военной, нынѣ трудовой эмиграціи. Она не знает соблазнов Запада. Она живет почти без всякаго воздѣйствія его культуры, почти без языка. Но есть меньшинство, счастливое и культурное, для котораго Запад не оказался мачехой. Одни сумѣли устроиться, удержаться на буржуазном уровнѣ жизни. Для других культура Запада была тихой пристанью послѣ кораблекрушенія. В вѣковом налаженном строѣ быта и мысли, в успокоенности закатнаго классицизма русскіе скитальцы находят забвеніе всѣх проклятых вопросов. Грѣясь у чужого, уже догарающаго очага, боятся выглянуть в ненастье и бурю, что бушует по всѣм пяти океанам и потрясает всѣ материкки. Судорожно хватаются за всѣ столбы: авось устоят перед бурей. У одних это консерватизм отчаянія, у других консерватизм безопасности — рента на дожитіе. Для тѣх и других націонализм и капитализм представляются самыми сильными опорами против социалистическаго вѣтра. Ослѣпленные не видят страшнаго раз-

рушительной силы этих мнимых «устоев», из которых один готовит войну, а другой социальную революцию. Они непременно разсердятся и искренне удивятся, услышав из уст не какого-нибудь радикала, а папы Пия XI обвинение их в содѣйствіи революции: «Особенно тѣ заслуживают обвиненія за свою бездѣйственность, кто не радѣет об устраненіи или измѣненіи порядка вещей, ожесточающаго массы и подготовляющаго таким образом переворот и разрушеніе общества».

Не менѣе слѣпы, конечно, и тѣ, кто из двух консервативных устоев — націонализм, капитализм — замѣняет один демократіей, оставляя другой неприкосновенным: демократія не защита против поднявшейся социальной бури.

И консерватизм и либерализм суть рѣзкія проявленія русскаго западничества, поддерживаемаго отталкиваніем от современной Россіи. Они становятся невыносимы, когда в них выражается тоска по комфорту, запоздалое упоеніе старой ветошью, уже доношенной Западом и бросаемой им своим духовным приживальщикам. Это социальный грѣх «буржуазности» в его чистом выраженіи.

Из этой русской среды выходят запоздалые защитники капитализма, столь рѣдкіе сейчас на Западѣ. Как ни странна идейно, как ни противоестественна морально защита капитализма в наши дни, нужно быть справедливым. У иных из наших «вождей» защита капитализма питается вовсе не западническими, а русскими настроеніями. В Россіи капитализм далеко еще не изжил своих творческих возможностей. Война и революція жестоко оборвали расцвѣт его культуры на нашей родинѣ. Все хозяйственное сопротивление Россіи коммунизму основано на неумирающих началах свободы труда и предприимчивости, спасающих (или спасавших) страну от окончательнаго удушенія и голодной смерти. Отсюда ставка на капитализм в Россіи. Что при этом забывают о разлагающем, мертвящем значеніи капитализма на Западѣ, это объясняется полной духовной изоляціей от Европы. Люди могут читать иностранныя книги, встрѣчаться с людьми Запада, но быть совершенно глухими и слѣпыми к его жизни и страданіям. Если эта глухота и слѣпота объясняются исключительно заполненностью сознанія мыслью

о Россіи, то онѣ морально простительны, что не мѣшает им быть политически вредными и идейно бессмысленными.

Между рядовой эмиграціей, отталкивающейся от Запада, и западническим примиренчеством ея вождей есть лишь видимость общей почвы. В лучшем случаѣ, эта общая почва опредѣляется отрицательно: ненавистью к большевикам. Но проходят годы; старыя раны зарубцовываются, а новыя больше говорят о себѣ. Безпросвѣтная нужда, борьба за кусок хлѣба ожесточают людей. Их отталкиваніе от Запада, первоначально окрашенное національно, наконец, принимает ярко выраженный анти-капиталистическій характер. Можно ли упрекать его в низменности побужденій за то, что в основѣ его лежит опыт личных страданій? Жаль, конечно, что люди не задумывались раньше над социальным вопросом, пока жизнь не ударила их больно по головѣ. Но опыт их, пусть запоздалый, не утрачивает объективнаго значенія от того, что он личный и кровный. Всякій ли доктринерскій защитник капитализма выдержит такое личное испытаніе: напримѣр, смерть своего сына от туберкулеза гдѣ-нибудь в рудниках Перника или Сент-Этьена?

Впрочемъ большинство молодежи, именующей себя пореволюціонной, пріобрѣтает новый социальный опыт не из личного ожесточенія, а из общих впечатлѣній западной культуры. Никто не вправѣ оспаривать безкорыстіе и идеализм ея мотивов. Она просто болѣе чутка, чѣм отцы, к окружающей, т.-е. европейской, дѣйствительности и — признаем это — лишена личного опыта и прежней и настоящей Россіи. Так нарастает отчужденіе и отталкиваніе, с одной стороны, между трудовой массой эмиграціи и ея вождями, с другой, среди интеллигенціи, между отцами и дѣтьми. И вот из этих анти-западнических, анти-капиталистических настроеній назрѣвает и в массах и в молодежи примиренчество по отношенію к большевицкой Россіи.

Разумѣется, это примиренчество не того тона, что у много преуспѣвавшего в Россіи спеца, который, дѣлая карьеру среди общей катастрофы, оптимистически закрывает глаза на чужія страданія: искупительныя жертвы исторіи. Примиренчество эмигранта вырастает из его страданій. Ему начинает казать-

ся, что жизнь в Россіи не может быть хуже той, которая здѣсь гнетет его. Он начинает тосковать о возвращеніи. Возвращенство не политическая идея, а стихійная, низовая тяга, всегда очень распространенная в массах. Устали страдать и готовы сдаться на милость побѣдителя. В жизненном обиходѣ не осталось никакихъ идей, которыя прежде поддерживали в борьбѣ. Это процесс разложенія и вывѣтриванія активнаго идеализма. Идеологическія обоснованія приходятъ позже, если вообще приходятъ. Люди идутъ с закрытыми глазами — нерѣдко на добровольную смерть.

Но рядовые возвращенцы не создаютъ идеологій. Идеологіи создаются активными протестантами (противъ Запада), и жадно воспринимаются молодежью, готовой жертвенно служить Россіи. В примѣненіи к этимъ теченіямъ как-то неумѣстно говорить и о примиренчествѣ передъ Россіей, потому что в нихъ кричитъ жгучая потребность ея апофеоза. В нихъ всегда звучитъ, хотя бы приглушенная, хотя бы осложненная, осанна революціонной Россіи. И вмѣстѣ с этимъ они несутъ с собою болѣе или менѣе выраженное оправданіе зла.

Среди этихъ теченій нѣкоторыя, смѣновѣховство и евразійство, были идейно значительны. Какъ в критикѣ своей, так и в пересмотрѣ русской философіи исторіи, они оплодотворили и будутъ оплодотворять русскую мысль. Но надъ всѣми ими тяготеетъ порокъ изначальнаго моральнаго излома.

«Пореволюціонныя» теченія не могутъ примириться с униженіемъ и паденіемъ Россіи. Поэтому они превращаютъ ихъ в предметъ гордости. Они не просто ищутъ в сложномъ сплетеніи революціонныхъ процессовъ свѣтлыхъ явленій и силъ. Они говорятъ «да» всему процессу в цѣломъ, и, чтобы пронести это «да» сквозь мерзость и мракъ дѣйствительности, они ее преображаютъ. Выходятъ изображенія какъ нельзя болѣе похожія на картинки знатныхъ иностранцевъ. И здѣсь и тамъ оптимистическимъ перомъ водитъ одна и та же потребность — вдохновляющей иллюзіи. Честь тому, кто в наши дни, какъ Варронъ, «не отчаялся в спасеніи отечества». Но мало чести тому, кто это спасеніе усматриваетъ во вражескомъ (татарскомъ или большевицкомъ) насиліи надъ отечествомъ.

Анализируя подсознательное в «пореволюционных» течениях, прежде всего нужно указать на их оторванность от настоящей Россіи, на их — в нашем смыслѣ слова — отрицательное западничество. Пусть это опредѣленіе кажется странным для русских націоналистов. Их націонализм питается отталкиваніем от Запада. Их панглоссовскій оптимизм по отношенію к Россіи возможен лишь при разрывѣ личной связи с Россіей — или при утратѣ живых воспоминаній. Россія мыслится уже не как живой народ, а как идея, антитетическая западной дѣйствительности.

В их «любви к отечеству» прежде всего не хватает любви, которая поглощается «народной гордостью». Гордость требует насвистывать побѣдный марш, провожая на эшафот старую Россію. Гордость заставляет закрывать глаза на страданія всего народа, влекомаго насильно на искупительную жертву за челоѣчество. Гордость заставляет отождествлять себя с сознанием не распинаемых, а распинателей, потому что с ними — молодость, с ними энтузіазм и вѣра в будущее.

Религіозная транскрипція этой гордости в наши дни получила имя мессіанизма. Пореволюціонный мессіанизм означает вѣру в то, что Россія предызбранная и ведущая мір на путях Божіих страна, — несмотря ни на что. Ея грѣхи, ея злодѣянія не имѣют значенія. Болѣе того, они входят діалектическим моментом в ея служеніе. Между ея настоящей сатанинской славой и славой грядущаго Царствія Божія нѣтъ прерыва, нѣтъ отреченія, нѣтъ п о к а я н і я . В отличіе от мессіанства еврейских пророков, русское мессіанство лишено этического содержанія. Вот почему оно способно обернуться иной раз и вовсе антихристіанским имморализмом.

Русское мессіанство есть крайняя форма реакціи на западный соблазн, крайняя форма анти-западничества, и потому все же западничество. Как анти-западничество, оно наивно, но извинительно. И совсѣм иначе придется расцѣнить его, если услышать в нем голос, донесшійся из Россіи.

Голоса из Россіи доносятся слабо, но все же доносятся. Кричит на всю планету величайшими в мірѣ радіостанціями голос 10 милліонов молодых и жестоких строителей, воздвигаю-

щих свою башню на костях 150 миллионoв. Но доносится и стoн раздавленных — ста пятидесяти. Каким звукам мы здѣсь отдадим предпочтеніе? На чем построим наш звуковой, все еще безплотный, как бы призрачный образ Россіи? Этот выбор основной музыкальной темы Россіи — акт нашей свободы; совершая его, мы опредѣляем свою собственную судьбу.

Пореволюціонный про-большевизм дѣтей соответствует до-революціонному про-капитализму отцов. Хорошо (т.-е. прости-тельно, хотя и вредно), если тот и другой проистекают из отри-цательных реакцій: анти-коммунизма одних, анти-капитализма других. Но жутко, когда на лицо внутренняя соблазненность мощью врага — все того же, на Западѣ и в Россіи, при всем различіи масок и харь.

Эта соблазненность во многих случаях не подлежит сомнѣ-нію. По отношенію к молодежи, она всего рѣзче выражается в их одержимости духами революціи. Это она кричит в них охрип-шим ревом своих миллионных глоток. Это ея пожар опалил их лица, потемнѣвшія в дыму. Это ей они обязаны утратой и яс-ности зрѣнія и трезвости оцѣнок. Преувеличенное, барочное, демагогическое, порой безумное — таков их стиль. Но это стиль революціи. Как никто не замѣтил до сих пор, что они, заблудившіяся дѣти революціи, не имѣют никакого права на титул пореволюціонности? Трезвость — первый знак пореволюціон-ной эпохи.

Примиренчеству справа и слѣва, осаннѣ капитализму и коммунизму нужно противопоставить христіанскій протест про-тив двуединого врага. В настоящем состояніи міра оппозиція — единственно возможная и достойная позиція перед ним. Но оппозиція не отвлеченная, не максималистическая, а готовая на труд и работу (не только на подвиг и жест), — работу воз-становленія, стронтельства жизни. Любовь к челoвѣку — всегда конкретная любовь. Любовь к жизни — враг отвлеченного иде-ализма. Помогая новой жизни в ея побѣдѣ над силами косно-сти и смерти, нельзя насиловать жизнь. Нужно больше слушать ея голоса, чѣм стараться перекрычать их.

В свѣтѣ конкретного идеализма меркнут кумиры, обоже-ствленные идолопоклонниками идей. Мы начинаем сознать,

что капитализм — социализм — национализм — космополитизм не абсолютны, а относительны, историческія цѣнности. И это открывает возможность понять, наконец, различіе историческаго дня Россіи и Европы. Одновременно самая отсталая и самая передовая, зарвавшаяся вперед и павшая на дорогѣ, проводившая для всего міра опыт новой социальной конструкціи, опыт, давший безспорный отрицательный результат, — Россія возвращается к собранности, сосредоточенности, которыя являются одновременно поканіем и отдыхом, без которых ей угрожает смерть от физическаго и духовнаго истощенія. Запад, упирающійся, косный, поставлен судьбой перед необходимостью итти, искать выхода, ставить новый социальный опыт. *Nic salta!* Ему страданія, ему труды завтрашняго (о, если бы сегодняшняго!) дня исторіи.

Вот почему возможно и, кажется мнѣ, необходимо одновременно, «единными устами», утверждать:

Для Европы организацію хозяйства, для Россіи освобожденіе труда.

Для Европы преодоленіе национализма, для Россіи развитіе національнаго сознанія.

Для Европы демократизацію культуры, для Россіи — борьбу за качество культуры и т. д., и т. д.

Как совмѣстить — идейно и психологически — одновременное утвержденіе противоположностей, — это другой вопрос. Рѣшеніе его не легко. О конкретных рѣшеніях можно говорить много и долго. Общій ключ ко всѣм рѣшеніям — релятивизація исторических идей. Но эта релятивизація идей не имѣет ничего общаго с релятивизмом основной жизненной цѣнности. В разных стилях строительства должна утверждаться одна и та же правда: правда достоинства человѣческой личности и религіознаго смысла соборнаго дѣла культуры.

Г. Федотов.